
СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

---

20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни

В.Н. БОБКОВ

В статье даны оценки влияния на уровень и качество жизни населения социально-экономических трансформаций 1991–2010 гг. Рассмотрены изменения в занятости и распределении работников и домохозяйств по заработной плате, доходам, использованным на потребление, среднему денежному доходу и жилищной обеспеченности, а также тенденции демографического развития, здоровья и образованности общества.

Ключевые слова: неустойчивость занятости, социальные стандарты денежных доходов и жилищной обеспеченности, распределение работников по заработной плате, денежным доходам и жилищной обеспеченности, рождаемость, заболеваемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, численность населения, образование и наука

В связи с 20-летием разрушения СССР и постсоветских реформ в экспертном сообществе активно обсуждаются их последствия; дополнительный импульс дискуссии придает обсуждение повестки развития нашей страны на предстоящее пятилетие и более отдаленную перспективу, обусловленную выборами Президента Российской Федерации.

Наряду со многими другими вопросами в поле острых дискуссий и альтернативных оценок оказались также качество и уровень жизни населения. В настоящее время общественности известны диаметрально противоположные позиции по оценке итогов социальных преобразований прошедшего 20-летия. Одна из них озвучена в докладе «Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах» [Уровень и образ жизни населения России... 2011] и в опубликованной на его основе статье «Социальные итоги трансформации, или Двадцать лет спустя» [Ясин, Андрущак, Ивантер, Косарева, Овчарова, Пономаренко, Фадеев 2011]. Авторами сделаны выводы о том, что «...объем ВВП в 2009 г. по сравнению с 1991 г. составил примерно 108%»; что «... в среднем уровень жизни за этот период не только не снизился по сравнению с советским временем, как считают многие, но и вырос почти в 1,5 раза».

Альтернативная позиция обоснована в статье «Системный выбор России и уровень жизни» [Губанов 2011], в которой сделаны выводы о том, что «...дореформенного уровня не достигают ни ВВП (87,1% в 2010 г.), ни расходы населения на конечное потребление (81,5%)»; что «объем товарной массы, обеспечиваемый внутренним производством, до сих пор еще в 2 раза меньше..., а качество несопоставимо хуже»; что «... в качестве обобщенного критерия совокупного благососто-

яния человеческого общества выступает продолжительность жизни населения..., установление частнособственнической системы в российском варианте повлекло за собой ярко выраженное сокращение продолжительности жизни...».

Далее представлены оценки социальных результатов прошедшего 20-летия, включающие характеристики изменений в уровне и качестве жизни россиян, которые были проведены специалистами Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ).

Рост неустойчивости занятости и увеличение слоя наименее оплачиваемых работников

Новым, не имеющим прецедентов в СССР, стало явление неустойчивости занятости¹ [Бобков, Черных, Алиев, Курильченко 2011], получившей широкое распространение в нашей стране как отражение процессов на рынках труда, свойственных всем современным капиталистическим экономикам. Прекаризация занятости оказывает огромное негативное влияние и на доходы работников и взносы в социальные фонды. Во многом из-за ее распространения у значительной части занятого населения современной России заработная плата является недостаточной не только для жизни по средним стандартам текущего потребления в период их трудоспособного возраста. Ее размеры не позволяют пополнять в необходимых размерах государственные и добровольные страховые системы, обеспечивающие выплаты по временной нетрудоспособности, старости и другим социальным рискам.

В отличие от обычной, традиционной занятости, осуществляемой в режиме полного рабочего дня на основе бессрочных трудовых договоров, неустойчивость занятости реализуется на иных принципах отношений экономически активного населения и работодателей. Они обозначают тенденцию к экономической и правовой дерегуляции трудовых отношений и увеличению принуждения к труду при одновременном демонтаже социальных гарантий с целью снижения издержек по оплате труда и расширения гибкости занятости, в том числе, не оформленной трудовыми договорами.

Наиболее полно проанализированы следующие (получившие широкое распространение) формы *формальной неустойчивости занятости*:

1) регламентированной срочными трудовыми договорами, заключаемыми с работниками предприятием;

2) в режиме неполного рабочего времени;

3) договоры лизинга (аутстаффинга), заключаемые с работниками агентства занятости;

4) на основании трудовых договоров с условием работы вне места нахождения работодателя.

Так, по имеющимся оценкам, доля предприятий со срочными трудовыми договорами в России в настоящее время составляет 39,8%, а с договорами лизинга (аутстаффинга) – 3,9%². Неполная и временная формы занятости значительно

¹ Precarity – прекаризация.

² Для сравнения в Германии в 2009 г. доля предприятий, на которых применялись срочные договора, равнялась 15%, а доля предприятий с договорами лизинга (аутстаффинга) – 2,8%. См. [Смирных 2010; Смирных 2011].

расширяются в периоды экономических кризисов и дестабилизации развития. Так, в 2009 г. доля работников со срочными трудовыми договорами составляла 5,2%, а в 2010 г. – уже 5,5% от общего количества занятых в экономике страны [Смирных 2011]. Эти неустойчивые формы занятости имеют ярко выраженную региональную дифференциацию: широкое распространение в России временная занятость получила в трудоизбыточных регионах Северного Кавказа, где экономически активное население особенно сильно испытывает на себе воздействие прекаризации. Под неустойчивость занятости в этой части Российской Федерации, по некоторым оценкам, подпадает значительная часть экономически активного населения.

Лизинг (аутстаффинг) работников при посредстве частных агентств занятости (ЧАЗ) получил название «заемный труд» и довольно широко распространен в странах с развитой рыночной экономикой. Это способствует свободному перемещению рабочей силы по территории страны, позволяет нанимать специалистов для выполнения тех или иных краткосрочных заданий и др. В случае использования заемного труда наемные работники числятся сотрудниками частных агентств занятости (формальная занятость), а работают в других организациях (фактическое рабочее место).

Подобная практика заемного труда получает все большее распространение: в 2009 г. 2,5%, а 2010 г. уже 3,3% предприятий работали с использованием лизинга (аутстаффинга) [Смирных 2011]. Необходимо принятие соответствующего законопроекта, который позволил бы внести изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации [Шкловец 2011] и устранить пробелы в российском законодательстве.

В этих условиях практическое применение заемного труда приводит к прекаризации занятости: трудовые права работников ущемляются тем, что страхование от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний, незарплатные затраты работодателей на рабочую силу не соответствуют реальным условиям. По отношению к заемным работникам также не действуют нормы ответственности работодателей по задолженностям выплаты заработной платы, за нарушение безопасности труда и др. Одним словом, фактический работодатель не несет перед заемными работниками реальных обязательств, которые имел бы при их найме, минуя посреднические организации.

Огромные масштабы приобрела *неформальная неустойчивость занятости*. По разным источникам неформальные формы занятости³ составляли в пореформенной экономике России 20–25% от общего числа занятых [Капелюшников 2004]. По данным Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) 20% трудоспособного населения, а это почти 13 млн чел., не платят налоги. Расширение занятости в неформальном секторе негативно влияет на перспективы экономического развития страны, сокращая налоговые поступления в государственный бюджет. Одновременно с этим при неформальных формах занятости работники не могут рассчитывать даже на сравнительно небольшие пенсии, страховые и другие социальные гарантии и льготы.

³ К неформальной занятости обычно относят работу в личном сельском хозяйстве для собственного потребления и/или для реализации продуктов и услуг с целью получения денежного дохода; нерегистрируемые индивидуальные платные услуги и мелкая розничная самодельная торговля; незарегистрированные производства типа кооперативов и т.п. Мы не относим к неформальной занятости работу в ЛПХ в СССР, т.к. это была дополнительная занятость.

В российском варианте капиталистических трансформаций широкое распространение получили следующие, зачастую уродливые, формы прекаризации занятости:

1) найм собственниками индивидуальных предпринимателей, не имеющих возможности осуществлять собственный бизнес. Такая занятость стала распространенной формой трудоустройства в России. Частный предприниматель принимает на работу не просто обычного наемного работника, а работника, который имеет свидетельство частного предпринимателя. Договор между ними осуществляется не на основе трудовых отношений «работник–работодатель», а на основе гражданского договора двух равных предпринимателей. Однако один из них полностью зависим от другого и не имеет никаких трудовых гарантий;

2) наемный труд без оформления отношений с работодателями или с оформлением, нарушающим трудовые права работников. Их можно назвать «работниками–невидимками». Масштабы этой занятости значительны. Среди них те, кто работает на домохозяев. С ними не заключаются письменные трудовые договоры, отсутствуют какие-либо гарантии в случае производственной травмы или увечья и т.д. К ним относятся не только иностранная рабочая сила, а многие российские работники, занятые сезонными строительными работами, гувернантки, няни, повары, садовники, водители, учителя и репетиторы и представители других профессиях по обслуживанию домохозяйств. Такой найм является очень распространенным явлением не только в домохозяйствах, но и среди юридических лиц;

3) найм работников в посреднические фирмы, созданные в интересах распорядителей финансовых средств. Посреднические организации создаются как подрядчики для выполнения работ нужных «материнским» фирмам для уменьшения размеров их прибыли, для перекачивания средств «своим людям», возвращающим их заказчикам (нередко чиновникам), или других целей. Нанятые в них люди находятся, как правило, не в штате. Они оформлены по срочным или гражданско-правовым договорам, заключенным для выполнения конкретной работы, а трудятся непосредственно на рабочих местах в организации, которая все это инициировала, или в известных брендовых организациях, в которых заработки незначительны, но которые выполняют роль нужной для них «крыши». Им не осуществляются оплаты больничных листов, выплаты за вредные условия труда, отпуска и другие гарантии, которые имеют работники по стандартным трудовым договорам.

В целом, в формальной и неформальной формах неустойчивости занятости в настоящее время в экономике России пребывают более 20 млн чел. Огромные масштабы неустойчивости занятости, когда трудовые отношения между работодателями и работниками строятся на срочной основе, не соответствуют их формальному содержанию или не оформляются, обрекают работников на ущемление их трудовых и социальных прав.

Своей значительной частью подпадает под особые формы неустойчивости занятости и трудовая миграция. Это обусловлено тем, что у работников-иммигрантов изначально возникает необходимость прервать трудовые отношения в своем регионе проживания (в силу недостаточной заработной платы, плохих условий труда или невозможности найти подходящую работу и др.), а потом искать возможность установления новых трудовых отношений на новом месте в своей стране или за рубежом.

Возрастающий спрос на иностранную рабочую силу из-за дешевизны и неприязнательности предъявляет, прежде всего, неформальная экономика. Нелегальные рабочие (это относится не только к внешней, но и к внутренней трудовой миграции), как правило, работают за минимальную плату без каких-либо социальных гарантий. Решающим мотивом их трудоустройства является не работа по специальности, а возможность заработать, поэтому трудовые мигранты соглашаются на непрестижные, вредные и тяжелые работы, не предусматривающие их социальную защиту [Топилин 2010]. Данные социологических обследований выявили, что не по своей профессии и специальности работают не менее 40% иностранных мигрантов.

Оценки количества нелегальных мигрантов из-за рубежа различаются у экспертов в 2–3 раза. Максимальные мониторинги численности нелегальных мигрантов приводит Министерство внутренних дел России – более 10 млн чел. По мнению экспертов, в России численность иностранной рабочей силы по отношению к занятости населения превышает 12%, тогда как работающих по трудовым контрактам – лишь 0,5%, но большинство из заключаемых контрактов носит краткосрочный характер.

В СССР, как известно, для экономически активного населения обеспечивались право и обязанность трудиться, гарантировалась занятость в народном хозяйстве страны. В постсоветской России, наоборот, – безработица стала массовой и наиболее острой формой неустойчивости занятости.

Безработицу можно назвать особой формой прекаризации, когда трудовые отношения работодателя с работником временно расторгнуты, а материальные источники их жизни чрезвычайно ограничены. В фазах экономических кризисов, уже дважды настигавших современную Россию, уровень общей безработицы достигал внушительных размеров: в 1999 г. ею были охвачены примерно 8 млн чел. – 13%, а в 2009 г. – 6,3 млн чел. – 8,3% экономически активного населения. В эти периоды значительная часть – от 50% до 80% трудоустроенных безработных – направлялась не на постоянную, а на временную работу⁴.

В периоды экономических кризисов государство обычно инициирует расширение оплачиваемых общественных работ, являющихся одной из форм временной занятости. Так, средний период участия в общественных работах в 2010 г. составил 1,8 месяца, а средние затраты на одного участника насчитывали примерно 2000 руб. [Отчет о деятельности Федеральной службы по труду и занятости... 2010]. Таким образом, это были, как правило, краткосрочные и низкооплачиваемые трудовые отношения.

Государственные программы по антикризисному регулированию на рынках труда (среди прочих мер) включали в себя содействие государственной регистрации безработных граждан в качестве юридического лица, индивидуального предпринимателя или крестьянского (фермерского) хозяйства, т.е. помощь в самозанятости⁵. Вряд ли следует всерьез рассчитывать на устойчивость этих новых форм занятости в малом бизнесе, судя по незначительным (чуть больше предельного годового размера пособия по безработице) размерам единовременных субсидий

⁴ Так, из материалов Роструда вытекает, что из общего количества граждан, трудоустроенных государственными центрами занятости, в I полугодии 2009 г. доля трудоустроенных на постоянную работу составляла 20,0 %, в 2010 г. она выросла, но только до 49,8%.

⁵ Самозанятость безработных за счет небольших государственных субсидий, полученных на открытие так называемого «собственного дела» мы относим к принудительной занятости.

на открытие собственного дела и средних затрат на одного участника – немногим более 1000 руб., а также исходя из контингента их участников⁶. В периоды кризисов среднее количество получателей пособий по безработице составляло примерно 20–25% от их общего числа. Их размеры были значительно ниже официального прожиточного минимума для трудоспособного населения и обеспечивали безработных минимально приемлемым уровнем жизни.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что в антикризисном регулировании занятости преобладали меры, переводящие временно незанятых работников в неустойчивые формы занятости.

Целесообразно выделять несколько направлений влияния неустойчивости занятости на доходы:

- снижение уровня реальных доходов;
- повышение зависимости их размеров от субъективных решений работодателей;
- нестабильность получаемых доходов;
- снижение уровня социальных гарантий работников;
- искажение статистики доходов.

В основу капиталистических трансформаций закладывалась экономия издержек работодателей на рабочую силу при традиционных формах занятости. Резкое обесценение наемного труда в начале 1990-х гг., отбросившее реальную заработную плату значительной части наемных работников за черту официального прожиточного минимума, в последующем не подверглось кардинальному пересмотру. Государство ограничило свою роль установлением крайне низкой (менее прожиточного минимума трудоспособного населения) минимальной заработной платы, обязательной для всех отраслей экономики, и введением таких систем оплаты труда в бюджетном секторе, которые едва позволяли работникам сводить концы с концами. Бизнес, за исключением минерально-сырьевых и финансовых сфер деятельности, в которых занята незначительная часть наемных работников, также ориентировался на низкую цену рабочей силы.

В результате всего этого значительная часть наемных работников была отброшена за черту доходов ниже прожиточного минимума трудоспособного населения, а среди других – преобладают работники с низкой и ниже среднего уровня заработной платой.

Для оценивания распределения наемных работников по заработной плате были определены следующие социальные стандарты:

- *первый* – размер заработной платы (доходов) соответствует бюджету прожиточного минимума трудоспособного населения;
- *второй* – размер заработной платы (доходов) соответствует социально-приемлемому (восстановительному) потребительскому бюджету (ВПБ = 3 БПМт);
- *третий* – размер заработной платы (доходов) соответствует потребительскому бюджету среднего достатка (ПБСД = 7 БПМт);
- *четвертый* – размер заработной платы (доходов) соответствует потребительскому бюджету высокого достатка (БВД = 11 БПМт) [Уровень и качество жизни населения в современной России... 2007].

Для построения системы потребительских бюджетов разного уровня достатка использовался ряд методологических принципов, позволяющих смоделировать

⁶ Из материалов Роструда, 2010 г.

удовлетворение минимальных, социально-приемлемых, наиболее распространенных и оптимальных разумных потребностей, обеспечивающих физическое, интеллектуальное, культурное и социальное развитие человека и семьи.

Из представленного в *таблице 1* сопоставления распределения наемных работников по уровню реальной среднемесячной заработной платы в 1986 г.⁷ и 2010 г. вытекает, что **доля работников, занятых наемным трудом, с доходами ниже бюджета прожиточного минимума трудоспособного населения (БПМт), т.е. получавших наиболее низкую заработную плату, выросла за 20 лет с 3,1% до 12,5%⁸, т.е. примерно в 3,9 раза.** Такой уровень заработной платы для одинокого и тем более для семейного работника, как правило, предопределяет среднедушевые доходы ниже абсолютной бедности (ниже среднедушевого прожиточного минимума (БПМср.)).

Таблица 1. Группировка наемных работников по уровню реальной заработной платы, соответствующей разным социальным стандартам потребления (в среднем за месяц, в процентах к общей численности наемных работников)

	1986 г.	2010 г.
До БПМт	3,1	12,5
БПМт – 3 БПМт	59,1	46,4
3 БПМт – 7 БПМт	35,5	31,2
7 БПМт – 11 БПМт	2,1	6,7
>11 БПМт	0,2	3,2

Расчеты проведены экспертами ВЦУЖ А.А. Гулюгиной и В.П. Васильевым

Вторая группа наемных работников, размеры реальной заработной платы которых находились ниже социально-приемлемого потребительского бюджета трудоспособного населения (он составляет примерно 3 БПМ), за эти годы сократилась в 1,3 раза. В СССР она составляла примерно 60% от общего количества рабочих, а в настоящее время – около половины от их числа. Этим трудоспособных следует относить к работникам с низкой заработной платой, покупательная способность которой (в случае полной семьи с двумя работниками и детьми) также практически предопределяет душевой доход ниже БПМср. и абсолютную бедность соответствующих домохозяйств.

Группа работников с реальной заработной платой ниже среднего уровня (выше 3 БПМтр., но ниже 7 БПМтр.) сократилась, но незначительно – в 1,1 раза – и составила 31,2%.

Доля среднеоплачиваемых работников с доходами от 7 БПМтр. до 11 БПМтр. выросла примерно в 3 раза, с 2,1% до 6,7%. Тем не менее, их удельный вес среди

⁷ Еще в 1986 г. с началом перестройки были запущены механизмы, ухудшающие материальное положение рабочих.

⁸ В целях сопоставимости величина прожиточного минимума за 1990 год приведена в соответствие с методологией определения этого показателя в 2010г.

наемных работников в настоящее время очень мал: в 1,9 раза меньше, чем у занятых работников с наиболее низкой заработной платой.

Удельный вес высокооплачиваемых работников вырос в 16 раз, с 0,2% до 3,2%. Сами по себе темпы роста этой группы работников кажутся внушительными, однако представительность этого слоя работников является очень низкой, даже ниже среднегоплачиваемых, и охватывает занятых преимущественно в минерально-сырьевых и топливно-энергетических отраслях, а также в финансовом секторе сферы обращения.

Следствием произошедших изменений стал двукратный рост неравенства в распределении работников по заработной плате⁹: в 1990 г. коэффициент фондов составлял 7,8¹⁰, а в 2010 г. – 14,4¹¹ раза. Значительно вырос и коэффициент Джини (индекс концентрации общего объема заработной платы), соответственно, с 0,317¹² до 0,413¹³.

Значительно повысилась потребительская нагрузка на заработную плату в современной России: так, в СССР доступность наиболее насущных социальных потребностей в образовании, здравоохранении, учреждениях воспитания детей, жилище и других общественных благах обеспечивалась общественными фондами потребления, т.е. бесплатно для граждан. В современной России эти услуги оплачиваются домохозяйствами преимущественно из заработной платы и других источников денежных доходов, и в значительно меньших, чем прежде, размерах они оплачиваются государством из средств обязательного социального страхования и государственного бюджета.

Ниже будет показано, что это сильно снижает позитивное влияние на уровень жизни домохозяйств, сокращения долей низко- и ниже среднего уровня оплачиваемых работников, как впрочем, и роста среди них долей средне- и высокооплачиваемых.

Из-за неустойчивости занятости, «серых» схем расчетов и обусловленного ими большого удельного веса теневых доходов, государственному статистическому агентству (Росстату) приходится примерно в два раза увеличивать расчетную статистическую величину общего объема и среднего размера заработной платы в современной России.

Рост масштабов бедности по доходам, используемым на потребление и избыточное социально-экономическое неравенство¹⁴

Результаты расчетов представлены в *таблице 2. В 1990 г. в советской России практически не было наиболее нуждающегося населения, низкообеспеченные домохозяйства составляли немногим более 30% россиян. 20 лет назад большинство населения России, примерно 60%, принадлежали к обеспеченным ниже*

⁹ Российский статистический ежегодник. 2011: Статистический сборник / Росстат. М.: 2011, с. 31.

¹⁰ Социальное положение и уровень жизни населения России: Статистический сборник. М.: Госкомстат России. 1997, с. 111.

¹¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Статистический сборник / Росстат. М.: 2011, с. 128.

¹² Социальное положение и уровень жизни населения России: Статистический сборник. М.: Госкомстат России. 1997, с. 111.

¹³ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Статистический сборник / Росстат. М.: 2011, с. 128.

¹⁴ 1990 г. – с учетом общественных фондов потребления, 2010 г. – с учетом натуральных поступлений.

среднего уровня достатка; средне- и высокообеспеченные слои составляли 6,7% и 0,7% россиян соответственно.

Через 20 лет структурирование общества по текущему потреблению кардинально изменилось: наиболее нуждающиеся слои населения выросли примерно в 90 раз и составили 17,4%. Удельный вес низкообеспеченных домохозяйств увеличился в 1,7 раза и составил 53,6%. В настоящее время два нижних неблагополучных по материальной обеспеченности слоя насчитывают почти три четверти населения страны. Среднеобеспеченные слои сократились почти в два раза и составляют 6,7% численности населения. Удельный вес высокообеспеченных россиян остается незначительным и составляет примерно 1,0%.

Таблица 2. Группировка населения России по доходам, используемым на потребление¹⁵, в сравнении с потребительскими бюджетами разного уровня материального достатка (в среднем за месяц, в процентах к общей численности населения)

	Удельный вес населения (в %)		Изменения в 2010 г. (в п.п.)
	1990 г. ¹⁶	2010 г. ¹⁷	п/п
Наиболее нуждающиеся – (ниже потребительской корзины прожиточного минимума – ПК)	0,2 ¹⁸	17,4	17,2
Низкообеспеченные (от ПК до 3 ПК)	31,7	53,6	21,9
Обеспеченные ниже среднего уровня (от 3 ПК до 7 ПК)	60,8	24,6	-36,2
Среднеобеспеченные (от 7 ПК до 11 ПК)	6,7	3,4	-3,3
Высокообеспеченные (выше 11 ПК)	0,7	1,0	0,3

Расчеты проведены экспертами ВЦУЖ А.А. Гулюгиной и В.П. Васильевым

В 1990 г. преобладало уравнилельное распределение доходов – более 90% населения имели доходы ниже среднего уровня материального достатка от 1 ПК до 7 ПК. **За 20 лет капиталистических трансформаций более двух третей населения оказались среди наиболее нуждающихся и низкообеспеченных по уровню текущего потребления.**

¹⁵ Показатель доходов, используемых на потребление, получен как сумма потребительских расходов и денежной оценки натурального потребления (в советской России на их размер существенно влияли общественные фонды потребления).

¹⁶ Оценка экспертов ВЦУЖ с использованием [Российский статистический ежегодник. 2011: Статистический сборник / Росстат. М.: 2011, с. 31].

¹⁷ Оценка экспертов ВЦУЖ с использованием См. [Российский статистический ежегодник. 2011: Статистический сборник / Росстат. М.: 2011, с. 31].

¹⁸ В целях сопоставимости величина прожиточного минимума за 1990 г. приведена в соответствие с методологией определения этого показателя в 2010 г.

Наряду с изменениями в удельном весе слоев с разным уровнем материального достатка **кардинально выросло социально-экономическое неравенство**. Об этом свидетельствует рост коэффициента фондов¹⁹: по денежным доходам он увеличился с 4,5²⁰ до 16,5²¹ раз, по доходам, используемым на потребление, – с 4,6 до 13,2²² раза. Коэффициент Джини вырос: по денежным доходам – с 0,260²³ до 0,421²⁴, по доходам, используемым на потребление – с 0,227 до 0,398²⁵.

Социально-экономическое неравенство по уровню текущего потребления в альтернативных группах населения может оцениваться коэффициентом отношения средних доходов, использованных на потребление, в группах с потреблением выше 11 ПК и ниже 1 ПК (назовем его коэффициент $V_{\text{пн}}$). Коэффициент $V_{\text{пн}}$ в 1990 г. составлял 14,4, а в 2010 г. – 20,8²⁶ раз. Применительно к 1990 г. размер этого коэффициента достаточно символично характеризовал социально-экономическое неравенство. Тогда наиболее нуждающееся население как самостоятельный слой представлено не было. В капиталистической экономике России при большой доле наиболее нуждающегося населения и огромного отрыва от них по потреблению высокообеспеченных слоев, даже при их небольшом представительстве в обществе, коэффициент $V_{\text{пн}}$ позволяет наиболее точно характеризовать социально-экономическое неравенство наименее и наиболее обеспеченных групп населения.

Все выше определенные коэффициенты социально-экономического неравенства свидетельствуют о его избыточном уровне: в ряде регионов, в которых наиболее представлены частные компании отраслей сферы обращения, особенно финансовый сектор (Москва, Санкт-Петербург и др.), а также частно-корпоративные монопольные производства минерально-сырьевых ресурсов (Тюменская, Вологодская области и др.), средние масштабы социально-экономического неравенства достигли 40 и более раз.

Общий вывод состоит в том, что за **20 лет капиталистических реформ в нашей стране кардинально выросли доля населения с низким уровнем текущего потребления и социально-экономическая дифференциация**. Последняя значительно превышает нормальный уровень, обусловленный размерами валового внутреннего продукта, является избыточной, препятствует экономическому

¹⁹ Коэффициент фондов показывает отношение средних доходов в 10% группе с наиболее высокими и 10% группе с наиболее низкими доходами.

²⁰ Уровень жизни населения России: Статистический сборник. М.: Госкомстат России. 1996, с. 9.

²¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Статистический сборник / Росстат. М.: 2011, с. 126.

²² Рассчитано экспертами ВЦУЖ Ф.Ф. Гулюгиной и В.П. Васильевым на основе метода логнормального распределения с использованием данных о выплатах и льготах, полученных населением из общественных фондов потребления [Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика. 1991] и данных о натуральных поступлениях домашних хозяйств [Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2010 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). Росстат. М.: 2011, с. 16].

²³ Уровень жизни населения России: Статистический сборник. М.: Госкомстат России. 1996, с. 80.

²⁴ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Статистический сборник / Росстат. М.: 2011, с. 126.

²⁵ Рассчитано во ВЦУЖ с использованием данных о распределении общего объема денежных доходов населения по 20%-ым группам населения [Уровень жизни населения России: Статистический сборник. М.: Госкомстат России. 1996, с. 80; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Статистический сборник / Росстат. М.: 2011, с. 126.

²⁶ Рассчитано экспертами ВЦУЖ Ф.Ф. Гулюгиной и В.П. Васильевым на основе метода логнормального распределения с использованием данных о выплатах и льготах, полученных населением из общественных фондов потребления [Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика. 1991] и данных о натуральных поступлениях домашних хозяйств [Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2010 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). Росстат. М.: 2011, с. 16].

и демографическому росту [Шевяков 2010] и является источником высокой социальной напряженности в современной России. Этот конечный результат постсоветского 20-летия, будучи развернутым в годовую динамику рядов населения с разным уровнем материального достатка, явил бы еще более драматичную картину, свидетельствующую о том, что **в 1990-е гг. до 40–50% населения опускалось ниже черты бедности!**

Жилье – фокус неравенства условий жизни²⁷

С жилищной обеспеченностью и ее качеством дела сложно обстояли еще и во времена Советского Союза, но таких разрывов, какие сложились за годы капиталистических трансформаций, в России не было и в принципе не могло быть.

Нелишне вспомнить, что за дореформенные 1986–1990 гг. было построено 343,4 млн кв.м. жилья. При сохранении этих масштабов за период 1991–2000 гг. могло быть построено около 1374 млн кв.м. жилищ, а фактически введено в эксплуатацию – 853,6 кв.м. общей жилой площади, несмотря на то, что в это время появились новые строительные материалы, прогрессивные технологии, более производительная техника. Даже при сохранении объемов строительства конца 1980-х гг. мы имели бы дополнительно 520,0 млн кв.м. нового жилья. При том что средняя обеспеченность жилищем в 1991 г. была 16,4 кв.м., к 2000 г. она могла бы составить примерно 26,0 кв.м. на человека (прирост – 58,5%)²⁸. Фактическая же средняя обеспеченность жильем выросла в 2000 г. лишь до 19,2 кв.м. (прирост – 17,%) и до 22,6 кв.м. в 2010 г. (прирост 37,8 % к 1991г.).

Но главное даже не в этом: **в рассматриваемые годы, за исключением отдельных категорий населения, имеющего законодательно утвержденное и хоть в какой то мере обеспечиваемое финансированием право на бесплатное получение жилья (военнослужащие, участники ликвидации последствий радиационных катастроф, переселяющиеся из зоны Крайнего Севера и приравненных к нему местностей и т. п.), жилищные условия улучшали преимущественно наиболее высокодоходные категории населения.**

Основная часть российских семей, в том числе и относящиеся к категории проживающих в условиях жилищной бедности, в условиях крайне высокой стоимости жилья по сравнению с их доходами (средняя цена 1 кв.м. жилья проданных квартир составила в IV квартале 2009 г. на первичном рынке 47,7 тыс. руб. на вторичном – 52,9 тыс. руб. при среднедушевых доходах в это время – 19,8 тыс. руб.) имеет лишь один парадоксальный способ улучшения жилищных условий – за счет уменьшения числа членов семьи, проживающей на прежней жилой площади.

В качестве стандартов для оценивания масштабов жилищного неравенства были определены следующие нормативы жилищной обеспеченности:

- *первый стандарт*: размер общей площади жилого помещения на одного члена домохозяйства составляет не менее 7 кв.м., имеются централизованное водоснабжение, централизованная канализация и центральное отопление;

²⁷ В подборе и обработке материалов для этого раздела статьи участвовали эксперты ВЦУЖ Н.А. Денисов и Е.В. Одинцова..

²⁸ Оценка проведена Н.А. Денисовым.

- *второй стандарт*: удовлетворяет всем требованиям первого норматива. Размер общей площади жилого помещения на одного члена домохозяйства составляет не менее 18 кв.м., имеется горячее водоснабжение;
- *третий стандарт*: удовлетворяет всем требованиям второго норматива. Размер общей площади жилого помещения на одного члена домохозяйства составляет не менее 30 кв.м., имеется стационарный телефон, при этом на одного члена домохозяйства приходится не менее одной комнаты;
- *четвертый стандарт*: удовлетворяет всем требованиям третьего норматива, при этом размер общей площади жилого помещения на одного члена домохозяйства не менее 60 кв.м.

Для расчетов была использована база данных проводимого с 1994 г. российского мониторинга экономического положения и здоровья населения²⁹, распространенная на генеральную совокупность населения (таблица 3).

Таблица 3. Группировка населения по размерам и качеству жилищной обеспеченности (в среднем за год, в процентах к общей численности населения)

	1994 г.	2010 г.
Наиболее нуждающиеся – жилищная бедность (ниже первого стандарта)	7,3	2,3
Низкообеспеченные (выше первого, но ниже второго стандарта)	50,8	35,5
Обеспеченные ниже среднего уровня (выше второго, но ниже третьего стандарта)	32,9	33,8
Среднеобеспеченные (выше третьего, но ниже четвертого стандарта)	8,4	18,0
Высокообеспеченные (выше четвертого стандарта)	0,6	10,5

Расчеты проведены экспертом ВЦУЖ Е.В. Одинцовой

Из данных *таблицы 3* можно сделать вывод, что в начале капиталистических трансформаций (1994 г.) примерно 80% населения России имели скромные жилищные условия, составляющие по площади от 7 кв.м до 30 кв.м. на человека. За сравнимые годы эти слои сжались примерно на 20 п.п., зато жилищное неравенство многократно выросло. Сокращение жилищной бедности в 3,2 раза (с 7,3% до 2,3%) сопровождалось ростом высокообеспеченных жилищем россиян в 17,5 раз (с 0,6% до 10,5%), а сокращение низкообеспеченных в 1,4 раза – ростом среднеобеспеченных в 2,1 раза; при этом доля обеспеченных жилищем ниже среднего уровня практически не изменилась.

²⁹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (<http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Для богатых россиян вложения в жилище стали одним из способов накопления капитала; для бедных россиян видимость улучшения – следствие снижения за этот период времени общей численности населения со 148,3 млн чел. до 142,9 млн чел. В результате за счет этого фактора возник статистический парадокс – в ряде регионов и отдельных городов, лишившихся действующих производственных мощностей, обеспеченность жильем существенно выросла при практически полном отсутствии строительства новых жилых помещений.

За годы реформ были полностью разрушены социальные гарантии получения бесплатного жилища, характерные для СССР: формально права на жилище социального найма провозглашены были, но фактически его строительство так и не развернуто. Государству практически ничего не стоило проведение бесплатной приватизации жилища, зато теперь его содержание и ремонт переложены на плечи обедневшего большинства населения, в результате чего обслуживание жилища и коммунальные платежи значительно выросли. Рыночные прозрачные арендные отношения в жилищном секторе также не созданы, ипотечное кредитование остается недоступным для большинства нуждающихся в жилье, а покупка жилья – не обеспечена доходами у основной части нуждающегося в нем населения.

Рассматривая вопрос изменения жилищных условий населения в реформенный период, надо отметить еще одно обстоятельство. Наш жилищный фонд состоит преимущественно из 1–2-комнатных квартир, рассчитанных на удовлетворение минимальных потребностей населения в жилье. В условиях недостатка доходов у покупателей жилья основная часть жилья в новостройках также приходится на одно- и двухкомнатные квартиры. Такая структура жилищного фонда не соответствует рациональным потребностям населения, которые, среди прочего, выражаются формулой «число комнат в квартире должно быть как минимум на единицу больше числа членов семьи». В будущем это приведет к резкому несоответствию потребностей населения в жилье и возможности его удовлетворения за счет имеющегося в наличии жилищного фонда.

В развитых странах квартиры из трех и более комнат составляют от 70% до 90% структуры жилищного фонда, а в новых многоквартирных домах и коттеджах преобладают квартиры с числом комнат более 4. В этом контексте рост среднего размера индивидуального жилого дома в наших новостройках почти в два раза лишь свидетельствует о крайней поляризации изменения жилищных условий наиболее обеспеченных семей и остального населения.

Преобладание низкого и ниже среднего уровня материальной обеспеченности по доходам и жилищу

Критический анализ изменений уровня жизни населения, обусловленных разрушением СССР и 20-летней трансформацией советской социально-экономической системы, был бы не полным без рассмотрения взаимосвязанной динамики денежных доходов и жилищной обеспеченности³⁰, начиная с середины 1990 гг., когда удалось приостановить обвал социально-экономических показателей, и до настоящего времени [Бобков (2) 2011].

³⁰ Совместное распределение населения целесообразно строить по жилищу и денежным доходам населения, а не по доходам, использованным на потребление, поскольку сбережения в составе денежных доходов являются одним из источников улучшения жилищной обеспеченности.

В обработку были приняты данные, собранные в рамках 19-й (2010 г.) и 1-й (1994 г.) волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения³¹, распространенные на генеральную совокупность (взвешивание производилось с использованием данных Росстата). В результате были получены ряды распределения, представленные в *таблице 4*.

Таблица 4. Структура российского общества, полученная по критериям доходов и жилищной обеспеченности (2010/1994 г.)

Интегральная характеристика	Компоненты интегральной характеристики	Критерии отнесения по доходам	Критерии отнесения по жилищной обеспеченности	Доля населения (в %)	
Бедные	<i>Бедные по доходам и жилью</i>	СДД ниже БПМ	Наиболее плохие ЖУ	0,8/3,5	14,1/26,2
	<i>Бедные по жилью</i>	СДД выше БПМ	Наиболее плохие ЖУ	1,5/3,82	
	<i>Бедные по доходам</i>	СДД ниже БПМ	Плохие – хорошие ЖУ	11,8/18,9	
Низкообеспеченные	<i>Нижний слой</i>	СДД между БПМ и ВПБ	Плохие ЖУ	18,3/27,3	28,6/37,9
	<i>Верхний слой</i>	СДД выше ВПБ	Плохие ЖУ	10,3/10,6	
Обеспеченные ниже среднего уровня	<i>Нижний слой</i>	СДД между БПМ и ВПБ	Ниже средних, средние и хорошие ЖУ	26,5/24,7	41,2/33,1
	<i>Средний слой</i>	СДД между ВПБ и ПБСД	Ниже средних ЖУ	12,0/7,2	
	<i>Верхний слой</i>	СДД выше ПБСД	Ниже средних ЖУ	2,7/1,2	
Среднеобеспеченные	<i>Нижний слой</i>	СДД между ВПБ и ПБСД	Средние и хорошие ЖУ	11,2/2,3	14,0/2,7
	<i>Средний слой</i>	СДД между ПБСД и БВД	Средние ЖУ	2,1/0,2	
	<i>Верхний слой</i>	СДД выше БВД	Средние ЖУ	0,7/0,2	
Высокообеспеченные	<i>Нижний слой</i>	СДД между ПБСД и БВД	Хорошие ЖУ	1,4/0,07	2,1/0,1
	<i>Верхний слой</i>	СДД выше БВД	Хорошие ЖУ	0,7/0,03	

Расчеты проведены экспертом ВЦУЖ Е.В. Одицовой

³¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (<http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Сопоставление данных 1994 г. и 2010 г. показывает, что, несмотря на заметное уменьшение доли населения с наиболее низким уровнем жизни (с 26,2% до 14,1%) и увеличение доли средне- и высокообеспеченных (с 2,8% до 16,1%) **в современном российском обществе устойчиво преобладают низко- и ниже среднего обеспеченные доходами и жилищем группы населения:** в 1994 г. – 71,0%, а в 2010 г. – 69,8% населения относились к низко- и ниже среднего обеспеченному населению. При сохранении в дальнейшем темпов этих трендов в перспективе нельзя рассчитывать на решение задач, предусмотренных в Концепции долгосрочного развития до 2020 г. (КДР) по снижению уровней абсолютной бедности и повышению доли среднеобеспеченного населения до 50% от его общей численности.

Для достижения этих ориентиров необходимо реализовать иные, более масштабные меры по повышению реальных доходов населения и улучшению его жилищных условий, особенно в слоях с низкой и ниже средней материальной обеспеченностью. В ближайшей перспективе представляется необходимым и возможным сосредоточить меры социальной политики на преодолении бедности по доходам и жилищу, а также бедности по доходам, за счет чего масштабы бедности могут быть значительно сокращены. В отношении расширения численности среднеобеспеченных слоев целесообразно предусмотреть меры по созданию условий для повышения доходов в нижней группе населения с материальными условиями ниже среднего уровня, поскольку у значительной части из них жилищные условия позволяют обеспечивать средний уровень материального достатка.

Нас стало значительно меньше

Под влиянием неустойчивости занятости, бедности и низкой обеспеченности, избыточного социально-экономического неравенства, фетишизации материальных и обесценения духовных смыслов жизни³² в 1990-е и последующие годы многократно **возросли масштабы социального стресса**, истощающего биологические резервы организма, разрушающего адаптационные механизмы человека: развитие многих болезней в прошедшее 20-летие было обусловлено психосоматическими причинами, неадекватным состоянием нервной системы, депрессиями [Величковский 2009]. В совокупности с причинами, обусловленными процессами на рынке труда, и низким качеством здравоохранения во многом было предопределено повышение уровня смертности, сокращение рождаемости, уменьшение ожидаемой продолжительности жизни, и особенно заметно выросла смертность среди мужчин в трудоспособных возрастах.

С 1991 г. по 2008 г. **значительно увеличилась заболеваемость детей:** в возрасте до 14 лет она повысилась в 1,5 раза, детей подросткового возраста (15–17 лет) – в 2 раза: рост этого показателя лишь частично был связан с улучшением диагностики. Большая его часть, по мнению специалистов, обусловлена истинным

³² Значительная утрата духовных смыслов жизни вследствие фетишизации «золотого тельца» является самостоятельным и одним из основных источников деградации в обществе современной России. В данной статье эти вопросы рассматриваются ниже лишь частично – сквозь призму деградации образования. Автор признает их основополагающее значение и первичность духовного в человеке над его материальными устремлениями.

ухудшением здоровья, а реальный уровень заболеваемости среди детей и подростков был в 1,5–2 раза выше, чем по данным официальной статистики [Кислицына 2006].

В многочисленных зарубежных и российских исследованиях доказано негативное влияние на здоровье населения высокого социально-экономического неравенства. Так, за период с 1989 г. по 1994 г. неравенство в распределении доходов в нашей стране практически удвоилось, а смертность увеличилась на 46%. Период сокращения неравенства с 1995 г. по 1997 г. сопровождался уменьшением общего коэффициента смертности. Новый рост неравенства после 1998 г., хотя и медленными темпами, происходил одновременно с увеличением смертности россиян [Кислицына 2006]. Доказано и влияние роста экономического неравенства на рост преступности против личности и собственности: была выявлена положительная и статистически значимая связь между ростом неравенства и уровнем преднамеренных убийств в период 1989–2000 гг. [Кислицына 2006, с. 149–150].

Вследствие всего этого за 18 лет (1992–2010 гг.) разница между числом родившихся и числом умерших в России составила более 13,1 млн чел., что сопоставимо с потерями россиян в Великой Отечественной войне. Необходимо принять во внимание, что сохранение нынешних тенденций воспроизводства населения может привести к тому, что его численность к началу 2030 г. может сократиться до 130–135 млн чел. [Елизаров 2012]³³. Именно поэтому основной проблемой, которую надо решать в современной России, является увеличение численности населения. Напомним, что в 50–90-х гг. прошлого века численность населения в России в составе СССР выросла со 100 млн до более 140 млн чел.; и, наоборот, за период с 1991 г. по 2010 г. население нашей страны сократилось со 147,7 млн чел. до 143,0 млн чел.³⁴ (рисунки 1). И только благодаря миграционному приросту из стран, в которых условия жизни ухудшились еще сильнее, чем в России, население нашей страны за 20 лет капиталистических реформ сократилось не на 13 млн чел., а примерно на 5 млн чел., что составляет 2,7% от его наивысшей численности. Особенно обезлюдили за это время как раз те территории, где и так проживало меньше россиян: в Сибири население сократилось на 7,3%, на Дальнем Востоке – на 19,9%³⁵.

Для нашей слабозаселенной и освоенной страны с ее колоссальной территорией, протянувшейся почти на 10 000 км с востока на запад и на 3 600 км с севера на юг, имеющей сопредельные границы с 18 государствами³⁶ и играющей значительную геополитическую роль в современном мире, **численность населения 143 млн чел. является крайне недостаточной**, особенно с учетом неравномерности его пространственного распределения по территории: за Уралом на площади 11 330 700 кв. км, составляющей 66,4% общей территории страны, проживает только 18,3% общей численности населения. Напомним, что средняя плотность населения в России составляет 8,3 чел. на кв. км.: при этом в Центральной России она насчитывает 56,9 чел. на кв. км, в Сибири – 4,2 чел. на кв. км, а на Дальнем Востоке – 1,2 чел. на кв. км.

³³ См. [Доклад о человеческом развитии 2011 г.] в части материалов, подготовленных В.В. Елизаровым.

³⁴ «... в 1992 г. число родившихся в России впервые со времен Второй мировой войны оказалось ниже числа смертей, началась естественная убыль населения, что ознаменовало собой вступление в новый, второй этап демографического кризиса – переход от скрытой, латентной к явной депопуляции, прямому сокращению численности населения страны» [Вишневский 2008 г., с. 5]

³⁵ Расчеты проведены Д. Горчаковой.

³⁶ Норвегия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Белоруссия, Украина, Абхазия, Грузия, Южная Осетия, Азербайджан, Казахстан, Китай, Монголия, КНДР, Япония и США.

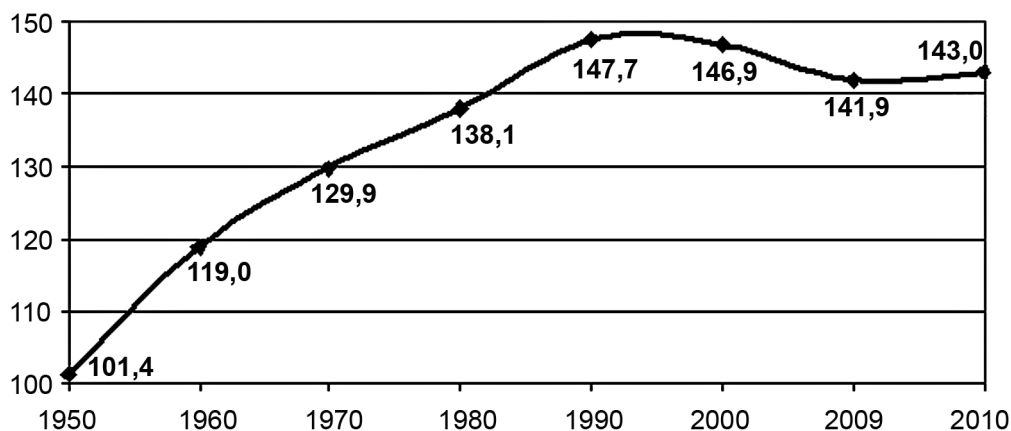

Рисунок 1. Население России с 1950 г. по 2010 г.
(на начало года, млн чел.)³⁷

В 2004 г., когда число рождений было максимальным за период 1992–2007 гг., на каждую 1000 женщин в возрасте 15–49 лет приходилось 377 рождений, но при этом с 2004 г. идет сокращение самого количества женщин в репродуктивном возрасте. При сохранении такой динамики к 2025 г. число женщин этой категории уменьшится более чем на 7 млн чел. И для того чтобы в 2025 г. при том количестве женщин в репродуктивном возрасте число рождений устойчиво превышало число смертей, необходимо, чтобы на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет приходилось 700 рождений. Однако, начиная с 1960-х гг., такой показатель в России не отмечался ни разу, и его появление как устойчивой величины в течение ближайших десятилетий представляется маловероятным [Вишневецкий 2008; с. 10–11].

Мощным мотивационным источником роста числа рождений является повышение уровня жизни основной массы населения и сокращение избыточного социально-экономического неравенства. Наши исследования показывают, что преобладание в структуре российского общества домохозяйств с низкой и ниже среднего уровня материальной обеспеченностью с их более высокими репродуктивными установками в обозримой перспективе сохраняет достаточно высокий потенциал увеличения рождаемости при повышении эффективности занятости, снижении нуждаемости по доходам и росте жилищной обеспеченности [Бобков (1) 2011].

Это означает, что их учет может повлиять на прогнозные оценки численности населения России. Эффективная занятость, повышение реальной заработной платы и рост жилищной обеспеченности основной массы населения в среднесрочной, а, возможно, и в более отдаленной перспективе являются важными факторами повышения рождаемости, сокращения смертности и увеличения численности населения нашей страны.

³⁷ Рассчитано на основании данных официальной статистики. В авторитетных публикациях 1950 год связывается с началом эпохи смены роста населения Земли на его стабилизацию – эпохи так называемого демографического перехода [Катица 2004, с. 36, 43].

Разложение образования и науки – питательная среда ложных смыслов жизни и манипулирования сознанием

Манипулирование общественным сознанием становится особенно возможным в необразованном обществе. Хлестко сказал М. Задорнов: «Рабов нельзя окультуривать. Тогда рабы поймут, что они рабы. А без образования они уверены, что живут в свобододолюбовом обществе. Рабам нужны обломки знаний, но ни в коем случае не знания» [Задорнов 2011].

В 90-х гг. прошлого века реформаторы вместо того, чтобы способствовать развитию гуманитарной и социально-экономической науки, способной отвечать на новые вызовы, сознательно бросили ее на произвол судьбы. Из-за сокращения финансирования, ускорившегося отставания реальной заработной платы в сфере науки от ее размеров в реальном секторе экономики и, особенно, – в финансово-кредитных организациях и сфере государственного управления, из научных учреждений социального профиля произошел значительный отток высококвалифицированных кадров и приостановился приток способной молодежи [Бобков, Субетто 2010].

За годы рыночно-капиталистических трансформаций доля всех затрат на научные исследования и абсолютные расходы на них существенно отставали от подобных показателей в развитых странах. Бедственное положение отечественной социально-экономической науки сопровождалось широкой эксплуатацией наших ученых зарубежными фондами и проектами, многие из которых с их участием «выкачивали» таким образом информацию о социальных процессах в нашей стране. В результате всего этого **социальный сектор науки за последние 20 лет сократился, ослаб, а его кадры значительно постарели.**

Невостребованность высококвалифицированных компетенций в современном российском обществе является основной причиной низкого качества знаний выпускников профессиональных учебных заведений и проявляется в низкой материальной и моральной оценке инновационного потенциала российского общества и высококвалифицированного труда.

Пореформенная экономическая система, которая производит микроскопически мало конкурентоспособной продукции, услуг и информации, в которой наиболее привлекательные с точки зрения оплаты труда сектора не требуют значительного количества высококлассных специалистов, обладающих сложными знаниями, не может в принципе ориентироваться на конкурентоспособные кадры с высшим и послевузовским профессиональным образованием: она вполне удовлетворяется работниками, подготовленными нынешней системой ВУЗов, в такой экономике работодатели не чувствительны к качеству высшего профессионального образования.

Вследствие этого часть наиболее подготовленных выпускников ВУЗов и талантливых молодых и маститых ученых чаще всего вынужденно уезжает работать за рубеж. Эксперты утверждают, что эта проблема «...с точки зрения качества уезжающего населения...позволяет говорить об опасности утечки мозгов» [Россия перед лицом демографических вызовов 2008, с. 14]. Это действительно так, если «по некоторым оценкам, из страны уехали от 100 тыс. до 250 тыс. ученых. Ныне в российской науке занято 25 тыс. докторов наук, а только в США проживают более 16 тыс. докторов наук – выходцев из бывшего СССР» [Рогов 2010].

Другие выпускники ВУЗов опять-таки вынужденно зарабатывают в нашей стране деньги на нескольких работах, некоторые – меняют первую профессию высокой квалификации на ту, которая позволяет получать доходы, достаточные для содержания себя и семьи, и не всегда, кстати, требует высшего профессионального образования, хотя его масштабы и увеличились с 1990 г. по 2009 г. примерно в 3 раза.

Вследствие снижения качества школьного образования студенты, в том числе и бюджетные, имеют в целом более слабые, чем ранее, стартовый уровень подготовки и мотивации к получению качественных профессиональных знаний. Мы уверены, что не погрешим, если будем утверждать, что **«мейнстрим» в российском образовании развивается с точностью до наоборот, чем этого требуют объективные процессы** необходимости повышения роли человеческого потенциала для развития страны, обусловленные как негативными демографическими прогнозами, так и высокой геополитической конкуренцией среди интеллектоёмких, наукоёмких, образованиеёмких экономик развитых стран мира [Субетто 2009; Субетто, Иманов 2008].

Широкое внедрение в сферу высшего профессионального образования рыночных механизмов наталкивается на их отторжение, проявляющееся в ограничении возможностей его получения и в выхолащивании качества образования, что означает рыночно-капиталистическую деградацию российской высшей школы. Большинство домохозяйств, нацеленных дать образование своим детям, либо не имеют на это средств, либо направляют их на решение этой задачи в ущерб удовлетворению первоочередных потребностей.

За модернизацию образования и науки взялись те же персоны, которые провалили предшествующие реформы, опустили уровень массовой профессиональной подготовки, привели в хаос методическое обеспечение высшей школы, разгромили систему среднего профессионального образования, провалили программу создания системы технопарков [Сухомлин 2010, с. 6–9]. Смеем утверждать, что пореформенная Россия ни коим образом не является обществом уважения знаний: доходы и признание у большинства интеллектуалов не соответствуют экономической и социальной значимости их труда. Принадлежность к так называемым «элитам» формируется материальными состояниями и близостью к власти, а не интеллектом, духовно-нравственным потенциалом и вкладом в развитие страны.

В нашей стране наблюдается огромное противоречие между потребностями инновационного и культурного развития России, с одной стороны, и утратой значительной части ее интеллектуального и духовного потенциала, с другой³⁸.

Реформаторы сознательно продолжают перекладывать расходы по образованию на население, что приводит к его недоступности для заметной части россиян. Если в 1990 г. все образование всех ступеней было бесплатным, то в 2008 г. уже 38% молодежи, получающей образование, начиная от общего среднего и заканчивая более высокими его ступенями, полностью или частично возмещали затраты на обучение. При этом в 2000 г. – 32,9%, в 2005 г. – 24,9% [Образование в Российской Федерации: 2006], а в 2008 г. – 18,5% респондентов хотели бы, но не могли приобрести профессиональное образование из-за недостатка финансовых средств.

³⁸ Глобальное значение этой проблемы ярко выразил академик С.П. Капица: «В современном мире глобальный кризис выражается в том, что экономическое могущество не соответствует управлению нашим развитием на всех уровнях, что видно по расхождению наших дел и мыслей». См.: [Капица 2009, с. 12].

Растет доля тех, для кого высшее профессиональное образование является недоступным по материальным причинам: особенно она велика среди молодежи из неполных и многодетных семей. Это свидетельствует о том, что в пореформенной России сложилась система образования, усиливающая социальное расслоение общества и осуществляющая социальную стратификацию доступности профессионального образования. Наибольшие масштабы приобрело платное высшее профессиональное образование: если удельный вес студентов в учреждениях среднего профессионального образования, обучавшихся с полным возмещением затрат на обучение, составил в 2008/2009 учебном году 33,3%, в том числе, в государственных и муниципальных учреждениях – 29,9%, то в учреждениях высшего профессионального образования эти показатели составили 62% и 54% соответственно [Платное обслуживание населения в России 2009, с. 307, 310]. В подтверждении этого свидетельствуют опросы желающих получить высшее профессиональное образование: до 80% родителей ориентировались на полную или частичную оплату поступления и обучения своих детей [Образовательные ресурсы домохозяйств 2008, с. 84].

Применение нового законодательства, относящегося в том числе к изменению правового статуса государственных ВУЗов, при определенных условиях может дать новый импульс монетаризации государственного высшего профессионального образования и связанного с этим утрат его качества³⁹, сокращению высшей школы и приватизации наиболее лакомых кусков ее имущества.

Результаты сравнительного анализа фактической и нормативной заработной платы с социальными стандартами оплаты высококвалифицированного труда свидетельствуют о том, что труд работников высшей квалификации, в том числе формирующих инновационный потенциал страны, оплачивается неадекватно низко⁴⁰. Это подтверждается и данными социологов, которые отмечают среди специалистов технического, естественнонаучного, медицинского, архитектурно-строительного, экономического и юридического профиля более высокие самооценки квалификации и компетенций по сравнению с эвальвацией своего материального положения и в силу этого ощущения ими своей статусной несовместимости, проявляющейся в рассогласованности образовательного, материального и социального статусов; из этого вытекает неудовлетворенность их своим социальным положением и социальный дискомфорт [Образовательные ресурсы домохозяйств 2008]. Без обеспечения статусной совместимости кадров высшего уровня квалификации, которая сильно зависит от кардинальности изменений их материального положения, включающего как оплату труда, так и жилищную обеспеченность, инновационный проект развития нашей страны вряд ли сможет быть реализован.

Выход заключается в соблюдении требований закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта, качества образовательных систем – школ, колледжей, ВУЗов как отдельных регионов, так и страны в целом, а нынешнее состояние российской системы образования не удовлетворяет этому императиву.

³⁹ В обществе идет широкая дискуссия о возможных негативных последствиях принятого федерального законодательства о так называемой реформе бюджетных организаций – ФЗ от 8 мая 2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

⁴⁰ Это, впрочем, относится и к другим группам занятий и видам экономической деятельности, требующим высшего профессионального образования.

Следует иметь в виду, что образование – это не только механизм производства образовательных услуг и личное дело гражданина России, а, самое главное, механизм их восходящего воспроизводства, а потому составляет главное условие прогрессивного развития всей российской цивилизации, возрастания ее качества. Для этого требуется устойчивое стратегическое планирование развития всей системы образования в России на долгосрочную перспективу с четким обеспечением приоритетности принципов бесплатности и доступности образования, особенно для бедной части населения, с постепенным переходом за ближайшие 10 лет на принцип всеобщего высшего образования как принцип решения глобальных проблем в XXI в. Невежественное общество, базирующееся на функционале прибыли вместо функционала качества человеческого потенциала, не может выжить в XXI в.

Наступила эпоха скачка в самосознании как населения в целом, так, что не менее, а может быть – более важно, и руководителей разного ранга. Чтобы это произошло, общество должно вернуть высший приоритет развития образования и науки как базисного условия сохранения и развития духовности и общественного интеллекта, условия участия всего общества в приостановке своей деградации, условия инновационного развития России и устранить те барьеры, которые возникли вследствие неверных ориентиров в образовательной политике последних двух десятилетий.

Россияне оценивают прошедшее 20-летие⁴¹

Ответственные реформаторы обязаны сверять результаты системной трансформаций с мнением людей. Но **социологические оценки экономической, политической, духовно-культурной и социальной, семейно-демографической эффективности реформ последнего 20-летия в большинстве отрицательны.** Это касается итогов массовых опросов населения, экспертных исследований и проведения фокус-групп, а также оперативных экспертиз с помощью методов БОУ (быстрой оценки с участием)⁴².

Социологические опросы итогов системной трансформации российского общества последнего 20-летия отличаются прежде всего тем, что ориентируются на комплексные оценки процессов капиталистических преобразований, на преодоление «экономоцентризма» и вульгарно-рыночного прагматизма, на рассмотрение того, что реально общество, государство и человек получили в результате их осуществления.

В этой связи показателен вывод директора Института социологии РАН, д.с.н., профессор, академик РАН М.К. Горшкова, который на основе итогов всероссийского изучения общественного мнения 2010–2011 гг. о результатах реформ в России 1990-х гг. пишет: «Реформы 1990-х годов, по мнению россиян, привели к ухудшению положения дел буквально во всех сферах жизни общества и страны как в экономике, так и в политике и социальной сфере...» [Горшков 2011, с. 5]. При этом фиксируется нарастание в 2000-е гг. негативов, связанных с коррупцией, бюрокра-

⁴¹ Основа текста по данному разделу подготовлена д.с.н., проф. Григорьевым С.И., ВЦУЖ.

⁴² Подробнее об этом см.: [Горшков 2011; Добренков 2009; Тихонова 2011; Социальное положение и роль русских в современной России 2011; Социальная эффективность реформ российского общества рубежа XX–XXI века: опыт экспертной оценки 2010].

тическим засильем, а также деградацией социальной сферы, ростом социально-экономической дифференциации населения.

Что касается первого 10-летия нового XXI в., то здесь констатируются рост тревоги, озабоченности населения в связи с сохранением массовой бедности, с увеличением расходов на жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) и жилищно-коммунальных платежей, расходов на платное образование, социальные услуги, определяющие рост стоимости жизни [Горшков 2011, с. 6–7].

Существенно значимо и то, что многие социологи, исследующие социальные и экономические последствия реформ последнего 20-летия⁴³, фиксируют не только рост показателей социально-экономической дифференциации, распространения социальных болезней, суицида, но и увеличение тенденций совпадения имущественной, социальной и национально-этнической дифференциации, межрегиональных социальных и экономических различий, ослабления контроля государства за социальной сферой, социальной безопасностью человека и общества. Констатируется тревожный факт: государство отражает интересы олигархов.

В этой связи нельзя не акцентировать внимание на тревожных результатах двух экспертных всероссийских опросов 2010–2011 гг., проведенных под эгидой научно-образовательного центра «Культура – основа качества образования...» Международного фонда славянской письменности и культуры с участием Центра социальной квалиметрии Академии наук социальных технологий и муниципального самоуправления, а также исследовательского комитета по социальной квалиметрии Российской социологической ассоциации. Результаты этих опросов тесно связаны с проведением всероссийского исследования «Социальная эффективность реформ российского общества рубежа XX–XXI вв.: опыт экспертной оценки» и всероссийского опроса экспертов «Социальное положение и роль русских в современной России». Оба экспертные исследования показали, что во всех федеральных округах сегодня доминируют критические оценки социальных последствий либерально-капиталистических реформ российского общества последнего 20-летия. Итоги частнокапиталистических реформ в восприятии человека в современной России дифференцируются так: влияние реформ максимально положительно – 3%; в главном это влияние позитивно – 8%; это влияние противоречиво, проблемно – 15%; в главном это влияние отрицательно – 34%; это влияние максимально негативно, разрушительно – 28%; другое – 6%; трудно сказать однозначно определенно – 12%.

Эксперты, как и участники массовых опросов населения, чаще настроены критически: их оценки 20-летия капиталистических трансформаций отражают ситуацию во всех сферах общественных отношений – от демографии и быта до политической активности.

***

Со всей наглядностью проявляется поистине судьбоносный характер текущего момента. Реальная альтернатива очевидна: **либо Россия преодолеет, наконец, системный кризис, затянувшийся на 20 лет, либо будет отброшена назад в результате все более обостряющихся антагонистических противоречий плутократического чиновничье-олигархического капитализма.**

⁴³ См. работы В.А. Ядова, Т.И. Заславской, С.И. Григорьева, Н.Е. Тихоновой, В.И. Добренкова, Ж.Т. Тощенко, Л.Г. Гусяковой и др.

Литература

- Бобков В.Н. (2010) Влияние финансово-экономического кризиса на отечественный рынок труда и уровень жизни граждан // Человек и труд. № 4.
- Бобков В.Н. (1) (2011) Влияние экономической активности и уровня жизни населения на рождаемость в современной России // Уровень жизни населения регионов России. № 8.
- Бобков В.Н. (2) (2011) Социальные структуры и неравенство распределения населения по качеству и уровню жизни. М.: ВЦУЖ.
- Бобков В.Н., Субетто А.И. (2010) Кризис образования и науки – главный тормоз в ее переходе на стратегию инновационного развития. СПб., М., Кострома: Астерион, КГУ им. Н.А. Некрасова.
- Бобков В.Н., Черных Е.А., Алиев У.Т., Курильченко Е.И. (2011) Неустойчивость занятости: негативные стороны современных социально-трудовых отношений // Уровень жизни населения регионов России. № 5.
- Величковский Б.Т. (2009) Жизнеспособность нации. Роль социального стресса и генетических процессов в популяции в развитии демографического кризиса и изменении состояния здоровья населения. М.: Тигле.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нестандартная занятость и российский рынок труда // https://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216408139/WP3_2005_05.pdf.
- Горшков В.М. (2011) Реформы в зеркале общественного мнения // Социс. № 10.
- Губанов С. (2011) Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. № 11.
- Добреньков В.И. (2009) Глобализация и Россия. Социологический анализ. М.: Инфра-М. Доклад о человеческом развитии 2011 г. // http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2011_RU_Complete.pdf.
- Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2010 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) (2011). Росстат. М.
- Задорнов М. (2011) НАТО – трусло, Каддафи – мужик // Советская Россия. 8 ноября 2011 г.
- Капелюшников Р.И. (2004) Нестандартные формы занятости и безработицы в России // http://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216409954/WP3_2004_06.pdf
- Катица С.П. (2009) Гиперболический путь человечества. Через демографическую революцию к обществу знаний. М.: Издательский дом ТОНЧУ.
- Кислицына О.А. (2006) Неравенство доходов и здоровья с современной России. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук.
- Качество и уровень жизни населения в современной России (1991–2005 гг.) (2007) / Монография. Руководитель В.Н. Бобков. М.: ВЦУЖ.
- Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник (1991) / Финансы и статистика. М.
- Нестандартная занятость в российской экономике (2006) / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Образование в Российской Федерации: 2006. Статистический ежегодник. М.
- Образовательные ресурсы домохозяйств (2008). Авторский коллектив: Е.М. Абрамова, О.А. Александрова, Е.В. Кулагина, Д.М. Логинов М.: М-Студио.
- Отчет о деятельности Федеральной службы по труду и занятости за 2010 г.
- Платное обслуживание населения в России. 2009. Статистический сборник Росстата. М.
- Подвойский Д.Г. (2011) Языки социологии: многословие или какофония? // Социс. № 10.
- Рогов С. (2010) Самая большая проблема – невостребованность науки // Газета.Ру. 13.08.2010.
- Российский рынок труда: «модель для выживания», а не «модель для роста» (аналитическая записка составлена по материалам публикаций Гимпельсона В.Е., Капелюшниковой Р.И. и Лукьяновой А.Л. // <http://2020strategy.ru>
- Российский статистический ежегодник. Статистический сборник / Госкомстат России. М.: 1995.
- Российский статистический ежегодник. 2011: Статистический сборник / Росстат. М.
- Россия в цифрах. 2011: Краткий статистический сборник // Росстат.
- Россия перед лицом демографических вызовов: Доклад о развитии человеческого потенциала в России. Доклад UNDP (2008) / Под. ред. А.Г. Вишневого. М.
- Смирных Л.И. (2010) Нестандартные трудовые договоры: опыт использования предприятиями // http://www.hse.ru/data/2011/02/17/1208497693/WP15_2010_03.pdf;

- Смирных Л.И.* (2011) Нестандартные трудовые договоры и уровень жизни работников // Уровень жизни населения регионов России. № 12.
- Социальная эффективность реформ российского общества рубежа XX–XXI века: опыт экспертной оценки. (2010) Ред. С.И. Григорьев. М.: Издательство РГСУ.
- Социальное положение и роль русских в современной России (2011). Ред. С.И. Григорьев. М.: «Русаки».
- Социальное положение и уровень жизни населения России: Статистический сборник (1997). М.: Госкомстат России.
- Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Статистический сборник / Росстат. М.
- Социально-экономическое положение и уровень жизни России (1996) // Росстат. М.
- Социально-экономическое положение и уровень жизни России (1997) // Росстат. М.
- Старостин В.* Размышление о прекаризации в трудовых отношениях. Сибирская конфедерация труда (СКТ) // <http://sibokt.livejournal.com/4011.html>
- Субетто А.И.* (2009) Наука и общество в начале XXI века. Ноосферные основания единства. СПб., Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова.
- Субетто А.И., Иманов Г.М.* (2008) Образовательное общество как форма реализации стратегии развития образования в XXI веке. СПб.: Астерион.
- Сухомлин В.* (2010) Стандарческий маразм. Об итогах реформы высшей школы // Отечественные записки (Советская Россия). 23 сентября 2010. № 18 (216).
- Тихонова Н.Е.* (2011) Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН.
- Топилин А.В.* (2010) Нелегальная миграция: масштабы и социально-экономические последствия // <http://slon.ru/articles/272281/>
- Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах (2011) // http://www.hse.ru/data/2011/04/05/1211687550/Mode_of_life.pdf
- Уровень жизни населения России: Статистический сборник (1996). М.: Госкомстат России.
- Шевяков А.Ю.* (2010) Неравенство доходов как фактор экономической и демографической динамики: монография. М.: ИСЭПН РАН.
- Шкловец И.И.* (2011) Трудовые права и занятость в условиях развивающейся современной России // Уровень жизни населения регионов России. № 12.
- Ясин Е., Андрущак Г., Ивантер А., Косарева Н., Овчарова Л., Пономаренко А., Фадеев В.* (2011) Социальные итоги трансформации, или Двадцать лет спустя // Вопросы экономики. № 8.